

Р. Г. Назиров

<Дневниковые записи о малой
прозе>

Малая проза в дневниках Р. Г. Назирова

Сразу после открытия архива Р. Г. Назирова начались публикация и изучение его прозы. До сих пор внимание исследователей привлекали, главным образом, его рассказы и повести, а крупная форма (образцы которой в архиве также имеются) остаётся неизвестной читателям и литературоведам.

На данный момент вышли в печати следующие рассказы и повести Р. Г. Назирова.

При жизни:

- «Грубая ошибка» (1957)
- «Решимость» (1959)
- «Утро в городе солнца. Фантастическая новелла» (1961)
- «Город с птичьего полета. Этюд» (1973)
- «Судьба Константина Батюшкова» (1970-е?)¹

Посмертно:

«Старик. Железнодорожное происшествие» (2011)

«Уфимские рассказы» (2011):

- «Как делают стихи»
- «С птичьего полета»
- «Ванька и пряник»
- «Сорок рублей»
- «Из скандальной хроники Мадонны»
- «Торо и Диккенс. Эссе в свободном стиле»
- «Всегда моя»

«Институтские рассказы» (2011):

- «На красном сукне»
- «Блестящий студент»
- «Учебно-академический сектор» (Третий рассказ из серии «В одном институте»)

«После выставки» (2013)

«Закат Батюшкова» (2013, опубликована отличная от напечатанной при жизни редакция)

«Утро в городе солнца. Фантастическая новелла» (2013, републикован)

¹ Список неполон.

«Два лица города. Рассказ» (2013)

«Человек без особых примет» (2013)

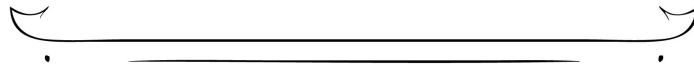
Из аналитических работ, посвящённых этому материалу, упомянем нашу статью «Очерк малой прозы Р. Г. Назирова», а также предисловия к перечисленным выше посмертным публикациям.

Дневник Р. Г. Назирова открывает для нас невидимый ранее исследовательскому взгляду биографический контекст малой прозы литературоведа. Сам по себе дневник, как и любой продукт деятельности, растянувшейся на десятилетия (с начала 1950-х по 1970-е) представляет сложно организованный текст и подробно говорить о нём следует в другом месте. Здесь же скажем только то, что биографические свидетельства подтверждают ранее высказывавшиеся догадки об особой роли личных наблюдений для построения сюжета и создания характеров героев. По всей видимости, такого рода личные впечатления были гораздо важнее книжной традиции.

В этом номере мы публикуем несколько извлечений из дневника, посвящённых рефлексии Р. Г. Назирова над собственным художественным творчеством, в большей степени уже известным нам по упомянутым публикациям. Представленный ниже материал содержит ценные сведения для датировки имеющихся в распоряжении исследователей текстов и другую важную для моделирования художественного творчества Р. Г. Назирова информацию.

В публикации отражены листы дневника 154—159, 227, 231, 391, 458—459 за 1957 и 1958 годы (АРГН, оп. 4, д. 36).

Б. В. Орехов
НИУ Высшая школа экономики

24 августа. <1957> Суббота¹.

Стоит жара. Напоследок лето развернулось во всю мочь, такие денёчки стоят, что куда твой июль-месяц! Сегодня я заставил себя сесть за бумагу, взять перо. Тётя Маша ушла на кордон к своим родственникам, и я переделывал и шлифовал II-ую главу первой части романа. Впервые я набрался нахальства и написал эти слово. Роман! Откуда он у меня взялся? Попробую припомнить.

В сентябре 1954 года, вернувшись от своих родных из Харькова, я очень быстро, в течение каких-нибудь четырёх-пяти месяцев написал повесть. Место действия не называлось, но подразумевался Харьков. Сюжет строился на любви пары симпатичных молодых людей — Андрея Черкасова и Вали Перепеленко. Они выросли из персонажей моих школьных произведений и очень напоминают их. Повесть называлась то «Восемь дней» (или «Восемь дней августа»), то «Солнце августа», то «Августовские встречи». Но это было или слишком претенциозно, или напоминало «Азоланские беседы», а то и вовсе «Causeries de lundi». Наконец, мне пришла в голову идея — назвать повесть словами девичьего гаданья по цветку: «Любит — не любит»². Я был в восторге, я и сейчас не разлюбил это название. Полное гаданье: «Любит — не любит, поцелует — погубит, к сердцу прижмёт — к чорту пошлёт!» — я взял в качестве эпиграфа. Другой эпиграф гласил:

«— Гога, ты умеешь отгадывать сны?»

— Нет. Я умею отгадывать только кроссворды».

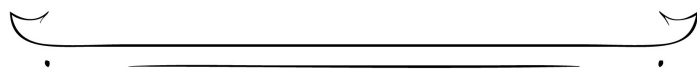
Не слишком-то остроумно. Это под влиянием одного великолепного эпиграфа у Хемингуэя: там у солдата, вернувшегося с мировой войны, спрашивают — какие они, француженки. Эрнст Хемингуэй при менил это как-то здорово оригинально.

Ну, ладно. Повесть «Любит — не любит» я начал переделывать. Отшлифовал начальные главы по несколько раз, но до середины так и не дошёл. Зато сюжет и лица совершенно прояснились.

Кончая III курс, весной 1956 года, я написал несколько рассказов подряд. Среди них и рассказ «Старик» (впрочем, он написан ещё раньше, в 1955-м, кажется). Рассказ плохой, но в нём есть «рациональное зерно». На IV курсе, в конце 1956 года, я написал рассказ «Два лица города». Затем, уже кончая институт, весной и летом, я написал большой рассказ или небольшую повесть под названием «Рассказ Нины Лошкарёвой». Уже чуть не с первых страниц я понял, что по настроению это продолжение повести «Любит — не любит», зачеркнул два—три имени на первых листах, заменил их знакомыми именами Андрея Черкасова, Вали и Игоря (друг

¹ В это время Р. Г. Назиров находится в селе Бишкаин Аургазинского района БАССР в должности сельского учителя.

² Повесть не опубликована.

Андрея) и написал, таким образом, продолжение повести. Рассказ от первого лица. На первое место выдвигается здесь Игорь Толкачёв, полукомический персонаж из «Любит — не любит». Это гордый и вспыльчивый парень, поэт, защитник слабых и угнетённых, но отнюдь не Дон-Кихот: он очень не прочь выпить и порою срывается. Образ, конечно, отнюдь не цельный. Цельным, устойчивым, положительным будет у меня коренастый и спокойный Черкасов, а жилах которого течёт крестьянская кровь. Что же получилось? Я посмотрел — чего-то не хватает. Чего? Начала. Итак, действие повести происходит в августе 1954 года, рассказ Нины — это весна 1955 — весна 1956 годов. А те, прежние рассказы тоже войдут в общую массу: три рассказа. Один входит, как интерлюдия, даже более, как важный сюжетный момент, в «Любит — не любит». В то же время линия от него тянется и к рассказу Нины, помимо простой связи общими героями. Два рассказа («Старик» и «Лицо города») пошли на построение первой части романа.

Первая глава написалась у меня уже перед самым отъездом в Бишкаин, уже в августе. Там в ней я страницы три—четыре не дописал, но всё держу в уме. И как она сложилась? Тоже интересно.

Однажды вечером Витька Торопчин, как обычно, уезжал в командировку, и я проводил его на вокзал. Домой я ехал своим седьмым номером, стоял на задней площадке трамвая и смотрел. Чорт возьми! Когда ночь стирает краски, когда остаются только силуэты домов на фоне быстро темнеющего неба да жёлтые квадраты окон, город выглядит гораздо поэтичнее, чем днём. Всё манит, всё таинственно, всё полно очарования. Фигуры людей на улицах смягчены, расплываются в полумраке городской ночи, теряют свою заурядность и прозаичность. Ночью интересен каждый человек, каждый дом, каждая улица. Детали приобретают особую значительность. Зелень садов, т.е. Не зелень, а тёмная масса листвы, выступающей над оградами, кажется пышнее и богаче. Почему бы об этом не написать?

Настроение у меня было шикарное. Я начал мысленно писать картинку. Возникла уже фраза: «Ревность разлуки удесятерит красоту покидаемого города». Итак, в ночное время герой покидает большой город, обильный садами и большими зданиями. Он мрачен, с ним произошло несчастье.

Какое несчастье? Кто этот герой?

Одновременно, в одну минуту, решили оба вопроса: герой — это Игорь Толкачёв, уезжающий из Москвы. Он не поступил в институт, хотя почти всё сдал на пятёрки³. Почему не поступил и когда это было? Всё подсказывали ассоциации с моей собственной ленинградской историей. Это было до смерти Сталина. Не поступил он из-за отца, не прошёл мандатную комиссию. Из повести «Любит — не любит»

³ Назиров далее подтверждает, что это автобиографический мотив, связанный с эпизодом лета—осени 1952 года, когда он, сдав на отлично все вступительные экзамены, тем не менее, не был зачислен на исторический факультет Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена

⤿

явствует, что Андрей и Игорь на два года старше меня. Значит, дело было в 1950 году (в 1954 году Андрей уже старшекурсник, в рассказе Нины он уже работает инженером). Что с отцом Игоря?

Я вспомнил историю женщины-врача, жившей в нашем дворе (ул. Зенцова, 14). Эта женщина во время войны побывала в Югославии. После памятной декларации Коминформа эту женщины заставляли выступить с собственными впечатлениями и рассказами о злодеяниях банды Тито (тогда кричащие заголовки в газетах извещали: «Югославская компартия — во власти убийц и шпионов!»). Женщина отказалась рассказывать о несуществовавших злодеяниях. Её исключили из партии. Это будет отец Гоши Толкачёва.

Так, стоя на площадке трамвая, я сочинил главу. Это самое начало романа — 1950-й год. Рассказ Нины Лошкарёвой кончается в 1956 году, летом. Мимо событий политической и общественной жизни, мимо проблемы молодёжи я пройти не могу. В повести «Любит — не любит» есть амнистированные и стилиаги. Я переверну все свои дневники... Я напишу...

Прийдя домой, я кинулся к письменному столу и включил мою любимую зелёную лампу. В голове роились готовые фразы, определения, нужно было только заносить на бумагу. Я писал, чувствуя необычную ясность и единство настроения. Глава началась так:

«Отвернувшись от шумной и весёлой толпы молодёжи, выходявшей из здания МГУ, человек побрёл по Моховой».

Всю главу я писал под впечатлением моего 1 сентября 1952 года в Ленинграде, когда я так же смотрел на новоявленных студентов, недавно ещё сдававших вместе со мной. Использовал даже подлинный документ — письмо из Министерства высшего образования, холодный ответ на мою пылкую апелляцию к «дорогому товарищу Сталину»... Хорошо сложилась глава!

Через несколько дней подъём затормозился в спешке и суете последних уфимских попыток, но я всё же успел почти закончить главу. I глава — «Перед отъездом».

И вот сегодня я переписал и сделал II-ую главу первой части, вчерне сляпанную уже здесь в Бишкаине из рассказа «Старик» и отменённого пролога повести «Любит — не любит». И то, и другое говорило о поездке по железной дороге. Я слил всё это и переработал. II гл. — «Недолгое знакомство» (или «Их надо убивать»).

Рассказ «Лицо города» или «Два лица города» будет использован в конце первой части. Обманувшись в своей любви к Рите, Игорь (осенью 1953 года) начинает выпивать. От выпивки он отходит в повести «Любит — не любит», и то не окончательно.

Таков скелет моего будущего романа. Замысел большой, сделано даже вчерне не более 50%. Посмотрим. По крайней мере, есть для чего жить, есть чем заниматься в

догие зимние вечера в Бишкаине. Если смогу заниматься этим. Ведь у меня будут тетради по русскому и всё такое прочее.

Параллельно с давнего времени (ещё до 1954 года) идут у меня и другие замыслы. Всегда меня интересовал французский восемнадцатый век. Я задумал большую новеллу о художнике Антуане Ватто. Но в Уфе её написать невозможно: не хватит материала. Может быть, я её не напишу. Может быть, и романа не напишу. Хотя последний я всё же должен написать. Главная страсть романа — гуманизм и справедливость. В целом роман мыслится как хроника жизни двух молодых людей — Андрея Черкасова и Игоря Толкачёва, родившихся в 1932 году. Хроника неполная. Выпадает вся московская жизнь Андрея. Это потому, что я не знаю Москвы.

Но в целом жизнь нашей современной молодёжи будет освещаться приблизительно верно. Нужно будет вкратце изобразить и комсомол. Но как и что? С какой стороны? Только без оценки, через конкретные эпизоды⁴.

Завтра же буду делать третью главу. Игорь приезжает домой. Дрожащий поцелуй матери. Игорь отвернулся, скрывая внезапную и жалкую судорогу лица. Две слезы в углах глаз отца. Потом долгий разговор дома обо всех обстоятельствах случившегося. Я ещё не решил, писал ли Игорь в анкете об этом или кто-то донёс? Я забыл форму этой анкеты.

Если я за зиму напишу I часть (что вполне возможно), то летом я перепишу всю вторую («Любит — не любит»), зимой 1958—1959 годов перепишу III-ю часть и зачищу хвосты, а летом 1959 года повезу рукопись в Москву. Далеко загадываю, не сесть бы в лужу! Начал 31 августа 1954 года. По данному плану выходит почти 5 лет. Разве больше времени уходит на такие (средние) романы?

А как проталкивать? Ведь это гроб!

27 сентября. Пятница. <...>

Я учительствую понемногу. Начал писать рассказ «Грубая ошибка» (о сельском учителе).

<...>

28 сентября. Суббота. Вечер.

<...>

Вчера вечером я вчерне написал рассказ «Грубая ошибка», о молодом сельском учителе и его первых жизненных огорчениях. Завтра я схожу на базар а Белое озеро, вернусь, перепишу рассказ набело и пошлю маме в Уфу. Если она найдёт, что рассказ стоящий, то пусть даст отбить на машинке и пристроит куда-нибудь (может быть, в «Учительскую газету»). <...>

⁴ Позднее Р. Г. Назиров реализовал свой замысел в рассказе «На красном сукне».

⤿
_____⤿

17 марта. Понедельник.

Обычно я езжу домой так: 10 км пешком до Белого Озера (12 часов ночи — два часа). В 3.47 местного приходит поезд Тюльган—Уфа, в 3.57 отправляется. Четыре часа езды. В воскресенье около 8 утра я дома. Пятнадцать часов провожу в Уфе, в 11.20 вечера выезжаю с поездом Уфа—Тюльган, в 3.15 местного я в Белом, в начале шестого ночи прихожу в Бишкаин. Из-за двух бессонных ночей обратный путь очень тяжёл.

На сей раз я решил выиграть время. В субботу сразу после работы я пошёл на станцию, вечером сел на товарный поезд.

На тормозной площадке меня прохватил мороз⁵. От беспрестанной чечётки устали ночи, от холода мои пальцы с трудом могли отделить одну спичку, когда я закуривал. В двенадцатом часу я был на станции Дёма. Дёма стала большим железнодорожным узлом, но именно в эти часы не было пассажирских поездов. Только в 3 часа ночи я отбыл в Уфу на 32-м поезде (Москва—Караганда). В четыре часа я был дома. Четыре часа сна сделали меня другим человеком. <...>

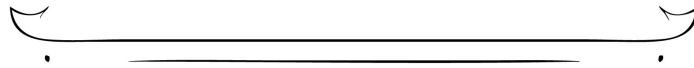
20 апреля. Воскресенье.

<...> Не нравится мне мой дневник. Он плох, как и все писанные исповеди. Нельзя записать всю правду. Нет таких слов, чтобы выразить в письменной форме всё, что происходит в жизни. Нельзя всё описать.

Но я даже не всегда записываю многое важное. Оно кажется мне в первый момент неинтересным, а потом как-то лень припоминать подробности и вновь описывать то, что уже сотни раз рассказывал друзьям. Например, я не записал в своё время, как в 1955 г., отстав от поезда в Рязани и севши на другой, я неведомо для себя помог железнодорожному вору снять с поезда чемодан. Я почему-то думал, что это его чемодан... Это было давно. Помню его красную физиономию, золотые зубы и общее впечатление смутной неуверенности в его фигуре.

А в эту зиму, когда получал в Толбазах кандидатскую карточку, директор школы поручил мне взять в банке недоплаченные школе 3700 рублей. Чек был уже выписан на имя завхоза школы Ефима Андреевича Тихонова. Мне дали чек и удостоверение личности (паспортов здесь нет), принадлежавшее завхозу. В удостоверении проставлен год рождения — 1928 год, но фотокарточки нет. В банке я чувствовал себя мошенником. Помню, что я не снимал своих чёрных кожаных перчаток: мои господские руки не гармонируют с сельским типом завхоза. Девушка схватила моё удостоверение, выписала что-то, а вместо чека вернула обрывочек — так называемую контрольную марку. Нужно было подождать. Я вышел в прихожую, закурил и сел на скамью. Мужчины, курившие здесь же, сыпали в своей беседе

⁵ Ср. это описание с эпизодом из повести «Человек без особых примет» (Назировский архив. 2013. № 2. С. 107).

тысячами и десятками тысяч, называя, как близких знакомых, предколхозов, районных советских работников и т.д. Я сурово курил, разыгрывая из себя нового завхоза сельской школы: кирзовые сапоги, очки, полупальто — нет, всё равно не похож.

Неужели мне выдадут деньги? Утром, входя в банк, я думал, как буду выкручиваться, когда меня арестуют. Здесь, на скамье, я уже понял, что трюк сошёл с рук. Задрипанная девчонка в сером платке показалась в дверях и сказала: «210».

Я не сразу понял, но взглянул на контрольную марку в моих руках и понял, что это вызывают меня: «Шестьсот восемьсот восемьсот⁶ восемь тысяч двести десять» — таков был мой номер.

Только подойдя к окошечку кассы, я прочёл, что вызов производится посредством объявления трёх последних цифр контрольной марки. Меня уже предупредили, что сумму, которую я получаю по чеку, нужно знать наизусть, иначе мне не выплатят деньги. Я заранее вызубрил эту сумму с копейками и на вопрос кассирши с шиком отчеканил всё это. И тотчас толстая пачка оказалась в моих руках: я считал и внутренне хохотал. Они в своих низких окошечках даже не обратили внимания на того, кто получает эти тысячи по документам школьного завхоза Тихонова, 1928 года рождения.

Сложив пачку, я деловито и небрежно сунул её во внутренний карман полупальто, вышел, бросив последний взгляд на молоденькую счётную работницу и на стенгазету «Контроль рублём», закурил, поднял воротник полупальто и натянул перчатки. Настроение у меня было просто изумительное. По отношению к такому солидному учреждению, как банк, я чувствовал презрение и разочарование.

Вот если бы я всегда накапливал и записывал подобные наблюдения, у меня давно уже был бы роман.

Сейчас я сяду писать детективный рассказ с этим сюжетом.

21 апреля. Понедельник.

Рассказ написал («Человек без особых примет»). Надо его обточить за неделю. К 1-му мая я поеду в Уфу, покажу рассказ маме и Василию Михайловичу Перчаткину (он член редколлегии альманаха). Отдам в «Ленинец» или в альманах.

⁶ Так у Назирова.